

А. С. Камаева

БИБЛЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ СТИХОТВОРЕНИЯ А. ЭРЕНШТЕЙНА «БОЛЬ»

Белорусский государственный университет, г. Минск;

askamayeva@gmail.com;

науч. рук. – Г. В. Синоло, канд. филол. наук, доц.

Цель данного исследования заключается в выявлении библейского контекста в творчестве австрийского поэта-экспрессиониста Альберта Эренштейна на примере его стихотворения «Schmerz» («Боль»), написанного в 1914–1918 гг. Доказывается, что рассматриваемое лирическое произведение представляет собой авторскую молитву, в которой библейские аллюзии соединяются с античной культурой и личными переживаниями самого автора.

Ключевые слова: Альберт Эренштейн; австрийская поэзия; экспрессионизм; архетекст; Библия.

«Осевыми» текстами для европейской культуры являются античная литература, прежде всего представленная «Илиадой» и «Одиссеей» Гомера, а также «Энеидой» Вергилия, и Библия – Священное Писание в иудейско-христианской культуре. Именно Библия обладает наибольшей ценностной значимостью среди перечисленных произведений, так как она определила формирование религиозного и философского мировоззрения, а также развитие искусств, в частности литературы. Это подтверждается словами белорусского литературоведа и германиста Г. В. Синоло: «Библия оказала прежде всего огромное влияние на религиозную жизнь европейской цивилизации, на ее духовно-эстетические поиски» [3, с. 4].

Стоит отметить важность отдельных жанровых форм Священного Писания. Одной из таких наиболее влиятельных форм является Книга Псалмов или Псалтирь. Благодаря ей в европейской культуре сформировался особый жанр молитвы, представляющий собой не гимны, но диалог между человеком и Богом, цель которого заключается в самопознании и самосовершенствовании первого. Именно поэтому псалмы на протяжении всей истории европейской культуры оставались актуальными и значительно влияли своей смысловой и стилистической образностью на творчество и философско-эстетическое мировоззрение многочисленных писателей.

Ускоренная секуляризация и индивидуализация жанра молитвы происходила в начале XX в. В Германии и Австрии этот процесс развивался в рамках художественного направления экспрессионизма, одной из ведущих идей которого является разрыв между традиционным и новым, актуальным для

наступающей эпохи искусством. Немецкий исследователь Г. Лангенхорст отмечает следующее: «Уже в первые десятилетия XX века появились признаки эстетизации литературной молитвы, часто сопровождаемой опустошением или переосмыслением религиозного содержания. <...> В центре внимания находится саморефлексия в открывшемся контексте современности, часто – размышления о существовании в качестве художника, часто – создание индивидуалистических художественных религий, которые ускользают от одномерных подходов к интерпретации» [4, с. 321].

Так, в лирике австрийского писателя Альберта Эренштейна (Albert Ehrenstein, 1886–1950) жанр молитвы представляет собой переосмысление библейских сюжетов через призму античных мифов и образов Европы начала XX в., в декорациях которой разворачивается трагедия безмерного одиночества человека.

Для примера рассмотрим написанное верлибром стихотворение «Schmerz» («Боль»), созданное в период Первой мировой войны и соединившее в себе античные и библейские образы и сюжеты:

Gott, du alter Epimethide, / Warum hast du deinen Zahn / In mich gebohrt? / Immer noch, immer noch umringt mich die Wehmut, / Endlos dröhnen die Klagen, / Gedenk ich langsam zerfallender Zeiten / Und der unersättlichen Schenkel, / Die mich nicht sättigen wollen. / Siehe, die Dinge sind lieb und wollen nicht trösten, / Die Bäume grünen aufs neue, / Unermüdlich kündigt die Uhr mit die Zeit, / Und nächtlich besuchen die Ärmsten der Tiere, / Alte Wanze mein Lager, / Sich erbarmend meines Alleinseins. / Aber was weiß ein Weib von Herz und Sitte?! / Nimmer glaub' ich an Musen. / Nicht wiegt mein Vers, / : Bemannt mit vergänglich ihr näheren Menschen / Treibt sie dahin. / Gott, noch niemals fleht ich Dich an, / Nicht betet der Stolz, / Nun bitt' ich: / Beschütze mein Herz von Liebe, / Genug schon litt / Meine unsterbliche Seele [5, с. 74].

‘Боже, старый Эпиметид, / Зачем ты свой зуб / В меня вонзил? / Все еще, все еще меня окружает грусть, / Бесконечно гудят стенания, / Памятую приходящие в упадок времена / И ненасытные бедра, / Которые меня насытить не хотят. / Смотри, вещи любимы и не хотят утешить, / Деревья зеленеют снова, / Неумоимо часы объявляют время, / И ночью посещают беднейшие из зверей, / Старые клопы мою постель, / Сострадая моему одиночеству. / Но что знает женщина о сердце и манерах? / Никогда больше не поверю я музам. / Не имеет веса мой стих, / : Обрученная с мимолетно приблизившимися к ней мужчинами / Бежит она к ним. / Боже, никогда еще не взывал я к Тебе, / Не молила гордыня, / Теперь молю я: / Защити мое сердце любовью, / Довольно уже страдала / Моя бессмертная душа’ (здесь и далее подстрочный перевод наш. – А. К.).

Первые три стиха этого лирического произведения представляют собой зывание к божественному Первоначалу («Gott, du alter Epimethide»). При этом в первой строке автор называет Бога Эпиметидом, т. е. сыном титана Эпиметей; этим он отсылает к различным версиям сюжетов о сотворении человека и о всемирном потопе. Во-первых, это античный миф о Девкалионе и Пирре, дочери Эпиметей и Пандоры, возродившие после девятидневного потопа человечество, бросая через голову камни, которые превраща-

лись в людей. Во-вторых, это отсылка к Книге Бытия: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их»; «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт 1:27; 2:7) [1].

Второй и третий стихи являются вопросом, в котором прочитывается трагизм жизни лирического героя, его отчаяние перед лицом надвигающихся потрясений. Здесь можно увидеть аллюзию на Псалом 56-й; однако если в библейском тексте герой находится в опасности из-за козней земных врагов («Душа моя среди львов; я лежу среди дышащих пламенем, среди сынов человеческих, у которых зубы – копья и стрелы, и у которых язык – острый меч» (Пс 57/56:5) [1]), то в произведении А. Эренштейна сам Бог является источником всех горестей, сравниваемых с вонзившимися в плоть зубами («Warum hast du deinen Zahn / In mich gebohrt?»). В этом прослеживается один из лейтмотивов всего творчества писателя: его лирическое «я», стремящееся к преобразованию и улучшению человеческой природы и мира, по словам российского литературоведа И. В. Млечиной, всегда «ощущает свою чужеродность в полном несовершенства мире» [2, с. 681].

Следующие пять стихов развивают заданную в начале произведения идею. При этом А. Эренштейн создает ряд образов, в которых духовное («Wehmet») постепенно переходит в телесное («Schenkel»); тем самым автор через свое лирическое «я» показывает измененность человеческой природы, ее неудовлетворенность и стремление к саморазрушению. При этом в седьмом и восьмом стихах угадывается аллюзия на образ блудницы из библейских текстов, который далее по тексту стихотворения повторяется при упоминании муз, как античных богинь-покровительниц искусств, так и обычных женщин, ветреных в своей благосклонности.

С девятого по четырнадцатый стих описывается одиночество лирического героя, который предстает в образе монаха-отшельника. Для этого писатель отмечает чуждость природы человеку, ее цикличность в умирании и возрождении («Die Bäume grünen aufs neue»), неумолимость времени («Unermüdlich kündigt die Uhr mit die Zeit»), а также упоминает клопов («Wanze») – насекомых, которые были вечными спутниками средневековых монахов в их миссиях по распространению христианства.

В следующих шести стихах А. Эренштейн говорит о непостоянстве женщин и их фаворитизме. Стоит отметить, что в упоминаемом образе муз заключается еще одно значение: под ним писатель подразумевает всякое искусство (в частности поэзию), которое не служит для общества, но существует для самого себя, т. е. является *arte per arte*. Эта идея также подтверждается в строке «Nicht wiegt mein Vers», которую можно перевести как «Не имеет веса/значения мой стих» или «Не качает/убаюкивает мой стих»; таким

образом автор говорит о своем разочаровании на поприще поэта и своей роли в мире искусства.

Последние шесть стихов подтверждают данный вывод, так как здесь лирический герой обращается с мольбой к Богу о защите и стойкости перед будущими испытаниями. Художественный текст в этой части по своей форме и содержанию имитирует структуру клерикальной молитвы. Во-первых, двадцатый стих представляет собой прямое обращение к Богу («Gott, noch niemals fleht ich Dich an»), которое создает рамочную конструкцию в структуре всего стихотворения; во-вторых, далее следует упоминание одного из семи смертных грехов (гордыня), в котором кается лирический герой; в-третьих, стихотворение заканчивается собственно мольбой о защите и прощении. Как следствие, в этой части стихотворения можно разглядеть переломный этап в биографии самого А. Эренштейна, который в военные и послевоенные годы посвятил себя публицистической и переводческой деятельности, а также путешествиям по Ближнему Востоку, Африке и Китаю.

В итоге можно говорить о том, что в поэзии австрийского экспрессиониста А. Эренштейна библейский контекст выражен через призму библейских образов, сюжетов и текстов, представленных в синтезе с наследием античной культуры, а также на жанровом и синтаксическом уровнях. Это позволяет выявить особое экспрессионистское мировоззрение самого поэта и отсылает к событиям его жизни и истории Европы начала XX в.

Библиографические ссылки

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические : Синодальный перевод.
2. Млечина И. В. Альберт Эренштейн // Энциклопедический словарь экспрессионизма / под ред. П. М. Топера. М. : ИМЛИ РАН, 2008. С. 680–681.
3. Синило Г. В. Лирические книги Библии как архетексты немецкоязычной поэзии XVIII–XX веков. Минск : РИВШ, 2019.
4. Langenhorst G. «Schwieriger Dialog» – Gebete als literarische Gattung // M. Arnold und Ph. Thull (Hg.). – Freiburg im Breisgau : Verlag Herder GmbH, 2016.
5. Pinthus K. (Hrsg.) Menschheitsdämmerung : ein Dokument des Expressionismus : mit Biographien und Bibliographien / hrsg. von K. Pinthus. Berlin : Ernst Rowohlt Verlag, 1920.